

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-59-73

М.И. Воейков

Институт экономики РАН (Москва, Россия)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И ТЕОРИЯ НООНОМИКИ¹

Аннотация: статья посвящена проблеме государственного управления экономикой на основе научного знания. Особое внимание уделяется новой экономической теории – ноономике, ее роли и значению на современном уровне развития общества. Проводится сравнительный анализ с такой научной концепцией, как «либерализм»; роль и значения либерального подхода на разных этапах развития капитализма. Дается оценка влияния этого подхода на проведение экономических реформ в России в 1990-е годы. Высказывается сожаление о популярности теории западных либеральных экономистов в российской научной среде, подвергается критике приверженность некоторых ученых спонтанному экономическому развитию, при этом научное знание наделяется особым значением. Отмечается, что в настоящее время в развитых западных странах наблюдается переход к «обществу знаний», рыночные механизмы утрачивают свое значение, разрабатываются положения новой социально-экономической науки на основе учета приращения общественной полезности результатов деятельности, в частности такого показателя, как экономия времени. Особое внимание уделено вопросам развития системы инструментов управления обществом и экономикой с акцентом на аспекты народнохозяйственного планирования. Приводятся преимущества плановых методов в решении задач как повышения экономической эффективности, так достижения социальной справедливости на примере анализа советского опыта планирования. Автор приходит к выводу, что спонтанное экономическое развитие будет заменяться научно обоснованным, то есть знаниеемким подходом, так как западная экономическая теория на основе либеральной концепции устаревает и утрачивает свое значение. На первый план выступает народнохозяйственное планирование – важный инструмент ноономики, который позволит сочетать рыночные начала и плановое регулирование.

Ключевые слова: информационное общество, народно-государственное планирование, новое научное знание, ноономика, общественная полезность, рынок, симулятивные потребности, цифровая экономика, экономический либерализм.

Для цитирования: Воейков М.И. (2022). Государственный патернализм и теория ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 3, С. 59–73. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-59-73

¹ Данная статья представляет собой доработанный и дополненный автором вариант ранее опубликованных материалов (Воейков М.И. Государство, материальное производство и экономика будущего (размышления над книгой С.Д. Бодрунова «Ноономика») / М. И. Воейков // Вопросы политической экономии. – 2019. – №3. – С. 157-166; Воейков, М.И. План и рынок 100 лет назад и сегодня / М. И. Воейков // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 3(69). – С. 38-45. – DOI 10.37930/1990-9780-2021-3-69-38-45; Бодрунов С.Д., Воейков М.И. Государство, ноономика и постклассическая политэкономия / С. Д. Бодрунов, М. И. Воейков // Вопросы политической экономии. – 2021. – № 4. – С. 22-37.

Mikhail I. Voeykov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

STATE PATERNALISM AND THE THEORY OF NOONOMY

Abstract: The article is dedicated to the problem of state management of the economy based on scientific knowledge. Special attention is paid to the new economic theory - noonomy, its role and significance at the current level of societal development. A comparative analysis is carried out on the scientific concept of “liberalism”, as well as the role and significance of the liberal approach at different stages of capitalism development. The article assesses the impact of this approach in terms of the implementation of economic reforms in Russia in the 1990s. The author expresses regret about the popularity of the theory of Western liberal economists in the Russian scientific community, criticizes the commitment of some scientists to spontaneous economic development while emphasizing the special significance of scientific knowledge. It is noted that at present in developed Western countries there is a transition to a “knowledge society”, market mechanisms are losing their significance, the provisions of a new socio-economic science are being developed based on the augmentation of social utility of the results of activities, in particular time saving. Special attention is paid to the development of a tool system for managing society and the economy, with an emphasis on aspects of national economic planning. The benefits of planning methods in solving problems of both increasing economic efficiency and achieving social justice are given on the example of the analysis of Soviet planning experience. The author comes to the conclusion that spontaneous economic development will be replaced by a scientifically based knowledge-intensive approach as Western economic theory based on the liberal concept is becoming obsolete and is losing its significance. National economic planning is at the forefront, as it is an important tool of noonomy, which will allow combining market principles and planned regulation.

Keywords: knowledge society, people’s state planning, new scientific knowledge, noonomy, social utility, market, simulative wants, digital economy, economic liberalism.

For citation: Voeykov M.I. (2022). State Paternalism and the Theory of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 3, pp. 59–73. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-59-73.

沃耶伊科夫 М. И.

俄罗斯科学院经济研究所 (俄罗斯, 莫斯科)

国家家长制与智慧经济

摘要: 本文探讨了国家经济的科学管理问题。重点阐述了智慧经济这一新理论, 及其在当前社会发展水平条件下的作用和意义。从“自由主义”的科学角度对比分析了资本主义不同发展阶段自由主义观念的作用和意义。对自由主义观念对20世纪90年代俄罗斯经济改革的影响进行了评价。作者表达了对西方自由主义经济学家的理论在俄罗斯科学界流行这一现象的看法, 批评了一些学者推崇的经济

натурал развита, показала научного знания. Автор указывает, что на западе развитых стран происходит переход к «обществу знаний», рыночные механизмы утрачивают свое значение, исследуются новые социальные и экономические принципы, основой которых является социальная польза, включающая в себя такие показатели, как экономия времени. В статье рассматриваются социальные и экономические инструменты развития, основное внимание уделено государственному планированию. В качестве примера рассматривается государственное планирование в СССР, описаны методы планирования для повышения экономической эффективности и обеспечения социальной справедливости. Автор делает вывод, что стихийные экономические процессы будут заменены научными методами — методами знаний — это связано с тем, что либеральные концепции западной экономической теории устарели и неприменимы. Государственное планирование как инструмент управления экономикой становится важным средством, так как этот инструмент способен объединить рыночные механизмы с государственными мерами регулирования.

Ключевые слова: общество знаний, государственное планирование, научные знания, экономика знаний, социальная польза, рынок, искусственный спрос, экономика знаний, экономический либерализм.

Ссылки: Воейков М. И. (2022). Государственное планирование и экономика знаний // Экономика знаний и общество знаний. Сборник статей о развитии промышленности. том 1, номер 3, стр. 59–73. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-59-73

Введение

Ноономика – новое и очень важное направление современной экономической теории. Главная суть ноономики заключается в необходимости сознательного управления экономикой на основе научного знания. Ведь нельзя допускать экономического развития на самотек, как предлагают либеральные экономисты. Если человечество научилось сознательно управлять сложными техническими системами, то и экономикой следует управлять сознательно. Экономика – это, вообще говоря, способ удовлетворения общественных потребностей. Высокие технологии и новая индустриализация являются результатом научного знания, что составляет не только фундамент современной экономики, но и определяет ближайшее будущее всего человечества. Наука и научные знания уже сегодня становятся ведущим фактором общественного производства. Поэтому можно говорить о переходе к новой форме удовлетворения общественных потребностей, то есть к новой экономике, базирующейся на приоритете научного знания, или ноономике, как пишет С.Д. Бодрунов [Бодрунов, 2018, с. 167]. Иными словами, экономика должна развиваться не так, как придется, куда выведет кривая рынка, а целенаправленно в интересах большинства людей. Для этого и надо насытить экономику новыми технологиями, новыми знаниями, новым пониманием законов общественного, в том числе экономического, развития. Эти идеи С.Д. Бодрунов разрабатывает уже сравнительно давно, что отражено в его прежних публикациях: [Бодрунов, 2013; 2016 и др.]

Термин «ноономика» достаточно содержательный и в целом навеян теорией В.И. Вернадского. Как известно, в теории ноосферы В.И. Вернадского «ноо» – это разумная человеческая деятельность, которая в настоящее время является ведущим фактором развития естественной среды обитания человечества. И действительно, люди уже давно живут в придуманном, искусственном физическом и техническом мире. Жилые здания, транспорт, средства связи, даже одежда – все это придумано человеческим разумом, и многое на основе научного знания. Современная человеческая цивилизация – это, собственно, и есть «наученное» общество, общество знаний. Но если человечество придумало и искусственно создало техническую среду обитания, то и социальная, в том числе и экономическая, среда должна быть устроена не так, как придется, а на основе разума и научного знания.

Сегодня человеческая цивилизация подвержена многим угрозам, обусловленным и плохо контролируемым развитием техносферы, и деградацией природной среды (например, потепление климата), и посягательствами на природу самого человека (например, пандемия COVID-19), и неравномерностью развития различных стран, и вызванными всем этим социальными конфликтами. Поэтому С.Д. Бодрунов пишет о тупиковости современной модели экономического развития: «В воздухе витает предчувствие глубоких перемен. Человечество сталкивается с угрозами, исходящими и от неконтролируемого развития техносферы, и от деградации природной среды, и от посягательств на природу самого человека, и от неравномерности развития стран и народов, и от вызванных всем этим общественных конфликтов» – и дальше: «Мы, наконец, подошли к пределу эффективности существующей модели развития» [Бодрунов, 2018, с. 13, 56]. И это совершенно верно. Этот тезис можно встретить у многих авторов. Так, профессор Кембриджского университета Э. Гэмбл в книге с характерным названием «Кризис без конца? Крах западного процветания» пишет: «До сих пор не видно конца более глубокому кризису неolibерального порядка, ярким знаменем которого стал крах 2008 года. Мы являемся свидетелями лишь ранней стадии этого кризиса» [Гэмбл, 2018, с. 15].

Таким образом, можно сделать вывод, что человечество на современном этапе своего развития подошло к некому пределу. И напрашивается дилемма, что ждет людей в будущем: тупик или путь к «разумному человеку и обществу»? Понятно, что у человечества просто нет выбора. Или погибать, или развиваться в принципиально ином направлении – к разумному обществу, которое будет устроено не спонтанным образом, о чем нам без конца твердят неolibералы, то есть «как придется», а на основе научного знания. Поэтому «ноономика» – это принципиально новая категория экономического развития, которая характеризует необходимость перехода к разумному существованию человечества и прежде всего самой экономики. Или как пишет С.Д. Бодрунов, «ноономика ставит во главу угла не частную погоню за прибылью или иным доходом, что достигается хаотической игрой рыночных сил, а рациональное стремление к удовлетворению конкретных потребностей, оцениваемых как разумные» [Бодрунов, 2021, с. 47].

Неolibеральные экономисты и рыночная экономика

Когда-то «либерализм» был прогрессивной и многообещающей научной концепцией. И не только концепцией, но еще и общественно-политической практикой. Но это было очень давно, на заре восходящего капитализма. Сегодня мир существенно изменился. Появились новые технологии, новый технологический уклад, новые экономические и социальные отношения. Сегодня мировое общественное развитие натолкнулось на многие серьезные кризисы, из которых на основе примитивной либеральной экономической модели и, как обычно говорят либеральные экономисты австрийской школы, «спонтанного экономического развития» просто нет выхода. Возможно, когда-то в начале становления капитализма такой либеральный подход к экономическому регулированию и был оправдан. В современном мире старая либеральная экономическая концепция, которая до сих пор служит иконой для некоторых западно-ориентированных экономистов и под знаменем которой проводились экономические реформы в России в 1990-е годы, уже никуда не годится. Известно, что эти либеральные реформы нанесли сокрушительный ущерб экономике России, развалили нашу промышленность, понизили материальное благополучие большинства

населения, в громадной степени увеличили экономическое неравенство людей. Отрицательные последствия этих либеральных реформ можно перечислять долго, но достаточно привести один факт.

В СССР все люди были более или менее равны, экономическое неравенство было минимальным. Коэффициент Джини был на уровне скандинавских стран, характерном для социальной экономики, в 1992 году он равнялся 0,28, а сегодня в России он составляет примерно 0,41. Либералы же не любят равенства. Они считают, что равенства не должно быть, ибо, по их мнению, оно не стимулирует роста производительности. Так, Л. Мизес пишет: «Только благодаря неравенству богатства, возможному в условиях нашего общественного порядка, только благодаря тому, что он стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при наименьших издержках, человечество сегодня имеет в своем распоряжении тот совокупный объем годового богатства, которое можно использовать на потребление» [Мизес, 2000, с. 788]. Неравенство, согласно либеральному подходу, способствует росту сбережений, а следовательно, и инвестиций в развитие экономики. Сегодня в России неравенство зашкаливает за все разумные пределы. Так, в 2021 году доля богатства страны, сосредоточенная у 1 % наиболее богатых россиян, составила 58,2 %. То есть более половины богатства страны принадлежит всего лишь горстке людей, составляющей только 1 % населения. В большинстве основных европейских стран концентрация богатства у 1 % населения не превышает 30 %. Итак, неравенство в современной России поражает воображение, а инвестиций как не было, так и нет. За последние 20 лет (с 2000 по 2020 год) инвестиции в стране сократились на 20 % [Анисимова, 2022, с. 37]. Значит, уже в этом вопросе либеральный экономический подход не срабатывает.

К сожалению, теории западных либеральных экономистов до сих пор популярны в среде некоторых российских университетов. Так, отдельные заокеанские экономисты, видимо, плохо понимая суть современных экономических проблем, продолжают настойчиво твердить, что спонтанному, то есть хаотическому, экономическому развитию нет альтернативы. Вот, например, лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. Хайек пишет: «Спонтанное сотрудничество свободных людей часто создает вещи более великие, чем их индивидуальные умы смогут когда-либо постичь в полной мере» [Хайек, 2011, с. 10]. Правда, этот экономист не объясняет, можно ли «спонтанным сотрудничеством свободных людей» создать электрическую лампочку, автомобиль, компьютер или самолет. Все это и многое другое само собой не появляется из хаоса экономической жизни на базе обычной рыночной конкуренции. И напрашивается более общий вопрос: если экономика может успешно развиваться без какого-либо разумного государственного регулирования, то зачем тогда нужна экономическая наука?

Действительно, если верить Хайеку, что спонтанное, то есть никем и ничем не регулируемое, экономическое развитие – это очень хорошо, то встает вопрос о существовании экономической науки. Если не нужно никакого экономического регулирования, то и экономическая наука вовсе не нужна. Но, вопреки мнению экономических либералов, экономическая наука существует, и существует экономическое регулирование со стороны государства. Существует и набирает все большие масштабы сознательное централизованное управление экономикой, что проявляется в самых разных экономических мероприятиях: в борьбе с инфляцией, регулировании процентной ставки, минимальном уровне оплаты труда, в государственных инвестициях, прогрессивной шкале налогообложения и во мно-

гом другом. Иными словами, экономика должна развиваться не как придется, куда выведет кривая рынка, а целенаправленно – в интересах всего общества, то есть большинства людей. Для этого и надо насытить экономику новыми технологиями, новыми знаниями, новым пониманием законов общественного, в том числе экономического, развития.

Пока еще экономическая наука мало что смогла сделать для нормализации экономического развития. Пока еще мировую экономику сотрясают периодические кризисы, по-прежнему существуют в мире голод, экономическое неравенство, безработица и множество недовольных людей своим материальным положением даже в благополучных европейских странах. Но какие-то достижения у экономической науки все же есть, в частности: кейнсианское направление, обосновывающее эффективный спрос; некоторые эконометрические модели, позволяющие глубже понять экономическое развитие и хоть как-то его регулировать; наконец, разработана теория и практика народнохозяйственного планирования, которое позволило Советскому Союзу за очень короткий период времени стать второй сверхдержавой в мире, и т. д. Научное знание проникает и в экономику, а с пришествием нового технологического уклада, новых технологий, в том числе цифровых, спонтанное экономическое развитие будет заменяться научно обоснованным, то есть знаниеемким. «На первый план выходят, – пишет С.Д. Бодрунов, – и отныне навсегда там останутся! – знания в явном, “чистом” виде как основной ресурс индустриально-технологического и общественного развития» [Бодрунов, 2018, с. 74].

Из этого можно сделать тот вывод, что знания не есть товар в обычном понимании, который в процессе потребления утрачивается, что знаниеемкое производство не есть уже рыночная экономика XVIII или XIX века. Так, С.Д. Бодрунов вполне справедливо и обоснованно считает: «Рыночная экономика – чем дальше, тем больше – становится пространством производства уже не столько реальных потребительных стоимостей, удовлетворяющих реальные потребности, сколько миром создания товаров-симулякров, удовлетворяющих симулятивные потребности, искусственно создаваемые при помощи маркетинга, пиара и различных способов манипуляции сознанием потребителя» [Бодрунов, 2018, с. 198]. И это правда, которую мы наблюдаем почти каждый день. Ничем не регулируемая рыночная экономика, которая 300 лет назад была двигателем общественного прогресса, сегодня превращается в его тормоз.

Конечно, пока что рынок продолжает выполнять функцию достижения эффективности производства. Суть рыночного механизма (конкуренции) состоит в соизмерении индивидуальных издержек труда по производству какого-либо продукта с общественно необходимой величиной, той, что складывается на рынке. На этой основе происходит дифференциация всех участников производственного процесса на «лучших» и «худших». Практически это означает, что лучшие производители товаров или услуг достигают максимальных преимуществ и способны расширить свое производство, а худшие – в конце концов, выводятся за пределы экономического процесса. Благодаря конкуренции осуществляется наиболее оптимальное (эффективное) распределение ресурсов. В отношении труда через рыночный механизм происходит эффективное его распределение между различными отраслями и видами экономической деятельности и регионами. При хорошо отлаженном рынке труда зарплата занятых работников одной и той же квалификации в одной отрасли промышленности не должна существенно отличаться от зарплаты в других отраслях промышленности. Рынок усредняет цену предложения и спроса. Все это так и было, но вчера.

Однако сегодня возможности рыночного механизма существенно ограничиваются. Рыночный механизм был хорош на первой стадии индустриального производства, когда изготавливались сравнительно простые продукты для массового потребления. Сегодня все существенно усложнилось. В этой связи характерно пишет И. Валлерстайн: «Поскольку большинство людей достаточно разумны и достаточно много знают, в самом скором будущем все надежды, возлагаемые на “рынок” как на панацею от всех бед, рассеются, оставив лишь тяжелый осадок» [Валлерстайн, 2003, с. 66]. В долгосрочной перспективе воздействие рынка весьма незначительно, слабое влияние он оказывает и на развитие современных сложнейших отраслей и промышленных комплексов (атомная промышленность, ракетостроение, космос и т.п.). Весьма спорным или иллюзорным является распространение рыночного механизма на некоторые отрасли так называемой «новой экономики». Например, продукты таких отраслей, как здравоохранение, культура, наука, образование, объективно не могут являться предметом рыночной конкуренции. Так, производство и распределение холста и сапог, классических предметов рыночного саморегулирования, принципиально отличаются от производства и распределения университетских профессоров или солистов Большого театра. От увеличения инвестиций в Большой театр больше талантливых солистов никак не станет. И Большой театр, наверное, соревнуется с Малым театром (благо они расположены рядом), но это не есть рыночная конкуренция. Театры соревнуются друг с другом за зрительские симпатии, за популярность, за интерес. Монополия одного театра тут невозможна, ибо в отличие от пивного предприятия, которое, победив всех конкурентов, стремится быть монополистом и поить народ пивом только своего производства, Большой театр не будет делать все остальные театры оперными. Более того, соревновательность в культурной сфере ведет не к вымыванию конкурентов, а к созданию более творческой атмосферы, к повышению интереса зрителей и, наконец, к увеличению объектов культуры.

Таким образом, культурные и вообще социальные ценности (такие как здоровье и жизнь) находятся за пределами рынка. По этому поводу С.Д. Бодрунов писал: «Мы уже давно обращали внимание на искаженный характер нынешней модели человеческого развития. В этой модели гипертрофированное значение приобретают рыночные критерии, на которых строится не только экономика. Рыночный подход навязывается всем сферам жизни общества, все проявления этой жизни начинают меряться коммерческой меркой – творческий дух культуры и искусства, забота о воспитании и образовании, борьба за здоровье человека, пылкость научного ума, правовая защита и т. д.» [Бодрунов, 2021, с. 21]. Если рынок есть объективная реальность, то нельзя же всерьез полагать, что люди могут по своему желанию запретить или отменить эту объективную реальность, что люди могут свои моральные, этические или нравственные предпочтения (ценности) навязывать рынку. Внешние параметры рынка можно и нужно регулировать, при условии понимания и знания издержек этого регулирования.

Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок предопределяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, государственно регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эффективности он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали много раз. Вот одно из этого рода высказываний: «Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы

просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [Поланьи, 2002, с. 13-14]. В этом человечество вполне убедилось на примере недавней пандемии.

Более того, по мере увеличения богатства, развития экономики возрастает объем и значение всевозможных социальных ценностей и в то же время падает значение сугубо экономического момента, что ведет к возрастанию объема экономического регулирования рынка со стороны государства. Усиливается государственный патернализм. Еще в начале XX века великий русский экономист М.И. Туган-Барановский сформулировал это положение таким образом: «Участие хозяйственного труда в общей совокупности социальной деятельности сокращается по мере хода истории. Повышение производительности труда подрывает социальное преобладание хозяйства, и нехозяйственная деятельность приобретает, в качестве движущей силы истории, все большее значение» [Туган-Барановский, 2003, с. 85]. Значит, все более возрастает значение человеческой деятельности, в центре которой находится не экономическая эффективность, а социальные (культурные, научные, образовательные, гуманитарные и т. д.) цели развития. Значит, возрастает роль сознательного, осмысленного регулирования социально-экономического процесса, значит, ускоряется переход к ноономике.

Но в современном мире продолжается навязывание неолиберальной экономической концепции как универсального средства для развития экономики, а в наших российских университетах продолжается интенсивное преподавание этой явно устаревшей концепции. Создается впечатление, что неолиберальный экономический подход в регулировании экономического развития искусственно навязывается США другим странам, которые правительство США стремится превратить в свои колонии. Это мы ясно увидели и почувствовали в 1990-е годы в своей собственной стране. В самих же США всем управляет государство. Рост влияния государства на экономическое развитие является в настоящее время почти общепризнанным фактом. С этим вынуждены соглашаться даже американские либерал-консерваторы, очень боящиеся новых современных мнений. Так, американский либерал Р. Хиггс пишет: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» [Хиггс, 2016, с. 9]). И дальше: «Даже простое перечисление многочисленных полномочий государства займет несколько томов, потому что его влияние затрагивает все: фермы, заводы и магазины; жилища, школы и больницы; науку и технологии; и даже отдых и развлечения» [там же, с. 24]). Или вот наблюдение другого американского экономиста – Ч. Уилэна: «Министерство сельского хозяйства США в настоящее время требует, чтобы каждая замороженная мясная пицца содержала по меньшей мере 10 % мяса» [Уилэн, 2005, с. 309]). Это свидетельство очень актуально. Оказывается, в США на словах – «либеральная рыночная экономика», а на деле – господство государственного регулирования, в том числе и планирование. Еще лет 50 назад Дж.К. Гэлбрейт писал: «Наша экономическая система, под какой бы формальной идеологической вывеской она не скрывалась, в существенной своей части представляет собой плановую экономику» [Гэлбрейт, 1969, с. 41]. Экономика как спонтанный хаос непреднамеренных действий уходит в прошлое. И это уже видно на примере наиболее развитых западных государств, когда не рынок, а государство регулирует процент мяса в заморо-

женной мясной пицце, поголовье кур в домашнем хозяйстве и прочее. Это объективный и неизбежный процесс. Таким образом, можно вполне согласиться с умным американским мыслителем (а ведь в США есть и умные ученые!) И. Валлерстайном в том, «что либерализм, как действенный политический проект, уже пережил свои лучшие дни, и что сейчас он умирает в условиях структурного кризиса капиталистической мирэкономике» [Валлерстайн, 2003, с. 91].

Все это хорошо понимали русские мыслители сравнительно давно. На ветхость либеральной концепции еще в конце XIX века указал Г.В. Плеханов: «Для экономистов отсталой школы... талисманом служит прелестный девиз: *“невмешательство государства”*» [Плеханов, 1956, с. 301]. Заметим в скобках, что зачастую в наших университетах сегодня идеи этих «отсталых экономистов» выдают за современную экономическую мысль. И наши либералы без устали их повторяют. Вот, например, что писал Е. Гайдар: «Государство должно... обеспечить неприкосновенность частной собственности, произвести разделение собственности и власти и перестать быть доминирующим собственником, субъектом экономических отношений в стране» [Гайдар, 1995, с. 189]. Эта позиция устарела лет на 200, а тот, кто ее сегодня воспроизводит, ничего не понимает в современной экономике, кроме грантов от правительства США.

Новая экономика

Итак, сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится только к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где экономический принцип соизмерения затрат и результатов продолжает иметь значение. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но в экономии времени, усилий, получения большего удовольствия и благополучия, то есть в приращении общественной полезности. Тут можно привести пророческое высказывание К. Маркса, что «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени» [Маркс, 1968, с. 117]. Надо сказать, что современные исследователи проблем ноономики очень близки к этому положению. Так, например, С.Д. Бодрунов в одной из своих работ прямо пишет: «Я всегда считал, что главная ценность для человека – это время» [Бодрунов, 2018, с. 424]. Не прибыль, а экономия времени – вот главный смысл новой экономики, которую можно называть «ноономика».

Если рыночная экономика, прибыль, деньги и прочие атрибуты экономического порабощения человека уходят в прошлое, то что приходит на смену? На смену приходит сознательное управление обществом и прежде всего экономикой на базе научного знания в целях максимизации общественной полезности. Современная человеческая цивилизация должна стать онаученным обществом, то есть обществом научного знания. Поэтому и социальное развитие общества, и экономику надо оплодотворять научными знаниями. Научное знание проникает и в экономику, а с пришествием нового технологического уклада, новых технологий, в том числе цифровых, спонтанное экономическое развитие должно заменяться научно обоснованным.

Характерно, что, когда рыночная экономика теряет свою позитивную функцию, плодятся фантомы экономической теории. Это касается бесконечных и бессодержательных разговоров о социальном капитале, интеллектуальном капитале фирмы, интеллектуальной собственности, экономике счастья и т. д. и т. п. То же самое можно отнести и к разговорам об информационном обществе, когда, по мысли говорящих, информация превращается в особый ресурс и чуть ли не заменяет материальное производство. Конечно, информация нужна для развития и совершенствования того же материального производства и поиска благополучной жизни. Новый тип материального производства требует новых форм хозяйствования и управления и, видимо, нового понимания экономики вообще.

Традиционная экономика в общепринятом понимании сегодня существенно сужается. Как уже неоднократно отмечалось, экономика как спонтанный хаос непреднамеренных действий уходит в прошлое. Новые технологии меняют роль государства, либеральное государство XIX века уходит в прошлое. Но ренессанса рыночных отношений нет, как и нет ренессанса частной собственности. И никак не сокращается регулирующая роль государства, а как раз наоборот – возрастает.

Некоторые заокеанские экономисты, не понимая сути современных проблем экономического развития, продолжают настойчиво говорить, что спонтанному, то есть хаотическому экономическому развитию нет альтернативы. Но на это давным-давно в научной литературе был дан исчерпывающий ответ. Вот, например, М.И. Туган-Барановский написал такие слова: «Идеал либерализма уже давно потерял свою действенную силу и ни в ком энтузиазма не вызывает; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла, сама по себе, привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию» [Туган-Барановский, 1996, с. 56]. Это писано в 1910 г., а кажется, что эти слова написаны вчера вечером, так они хорошо и емко отражают нашу постсоветскую действительность после трех десятков лет либеральных трансформаций.

Надо признать, что западная экономическая теория, в основе которой лежит либеральная концепция, находится в некоторой прострации. В этой связи А.Г. Худокормов пишет: «Современный кризис экономической теории Запада будет, по всей видимости, затяжным... И важнее всего, мало что делается и в теории, и на практике для обуздания хищнической идеологии с ее лозунгом “прибыль любой ценой”» [Худокормов, 2012, с. 34]. Но все же основная причина кризиса экономической теории состоит в том, что экономика ведущих западных стран довольно заметно уходит от чисто рыночного регулирования. Рынок перестает играть доминирующую роль в этих обществах. Большие сферы жизни цивилизованных стран Запада выводятся из-под рыночного воздействия: образование, здравоохранение, наука, культура, окружающая среда, правопорядок. Все это, а также и многое другое уходит в сферу государственного регулирования. На место «невидимой руки рынка» приходит сознательная деятельность государства, которое становится основным экономическим агентом. Рынок сужается, а основное направление экономической теории (мейнстрим) продолжает оставаться рыночным, продолжает описывать рациональное поведение человека на рынке и ставить в центр своего внимания максимизацию прибыли. Но современное общество стремится максимизировать не прибыль, а общественную полезность. Тем самым, теория экономического либерализма предстает сегодня явно устаревшей и ничемной конструкцией.

Планирование как институт ноономики

Ноономика, или сознательное управление обществом и экономикой, предполагает развитие системы инструментов такого управления. И центральное место в такой системе должно занимать народнохозяйственное планирование. Плановые методы представляют собой хороший канал для проведения политики, исходящей не только из чисто экономической эффективности. Через эти методы весьма удобно проводить и социальные, этические ценности. Это часто провоцирует политиков рассматривать социальные цели не как результат сознательного регулирования рынка, а вставлять их в сам рыночный механизм и полагать, что рынок кроме экономической эффективности может дать еще и социальную справедливость. Но это вещи разные. Кстати, в советский период в нашей стране старались совместить экономическую эффективность и социальные ценности. И это входило в содержание государственного планирования. Через плановые методы пытались решать задачи не только повышения экономической эффективности, но достигать преимущественно социальные цели общественного развития. Например, в СССР в плановом порядке создавались так называемые планово-убыточные предприятия в целях обеспечения занятости населения трудоизбыточных регионов, производства дешевой, но нужной продукции, а также развития военно-промышленного комплекса.

Таким образом, нужно вспомнить советский опыт планирования, ибо народнохозяйственное планирование и есть важнейший инструмент ноономики. Именно плановая система позволила Советскому Союзу осуществить в 1930-х годах индустриализацию, создавшую мощную промышленную базу для обеспечения Красной армии всем необходимым (оружие, боеприпасы, транспортные средства и т. д.). В период Великой Отечественной войны плановая система способствовала четкой и организованной эвакуации промышленных предприятий из западных и центральных районов страны на Урал и дальше, что заложило основу для укрепления промышленного потенциала, достаточного для обеспечения победы.

Главная проблема тогда заключалась в оптимальном сочетании рынка с государственным регулированием экономики, то есть с народнохозяйственным планированием. Теория рыночного социализма, которую развивали многие советские экономисты (но далеко не все), пришла на смену теории переходного периода, где доминировали два начала: план и рынок. Эта теория имеет под собой определенные объективные основания. Суть ее можно свести к тому, что по мере обобществления производства чисто рыночные связи уступают место другим «непосредственно-плановым». Вот, например, что писал в то время по этому вопросу один из ведущих советских экономистов: «Прямая безэквивалентная экономическая связь при социализме является господствующей, но не единственной; в сочетании с ней как дополнительная выступает косвенная, товарная, эквивалентная форма экономической связи, т. е. форма движения экономических отношений, связанная с товарно-стоимостным опосредованием этого движения. Ее содержание и место определяются тем, что социалистическое производство необходимо представляет собой особый род товарного производства» [Кронрод, 1966, с. 387]. Кроме того, а, может быть, это главное, для модернизации экономически отсталой России была объективно неизбежной очень существенная роль государства в управлении экономикой. Было необходимо, как говорится, огосударствление экономики. И это огосударствление было не чьей-то ошибкой или гримасой сталинизма, а объективно необходимой мерой осуществления догоняющего развития. Многие страны второго эшелона экономического развития проходили этот этап.

И естественно, что в этот период механизм рыночного саморегулирования отодвигался мерами прямого государственного регулирования на задний план или дополнялся «непосредственно-плановым» регулированием.

Но есть еще и иной аспект этой темы. На мой взгляд, эти две формы связи (рынок и план) отражают потребности не только первоначального этапа становления индустриальной системы в отсталой стране, но и реальности современного экономического мира вообще и имеют мало связи с социализмом или капитализмом. Если уж говорить с предельной обобщенностью, то советская экономика после 1960-х гг. скорее всего должна была в большей мере регулироваться именно рыночной, косвенной связью. Что, собственно говоря, на самом деле и было. Хотя, все это было прикрыто системой народнохозяйственного планирования, которая была далека от совершенства, что и привело к периоду «застоя». А вот экономически высокоразвитые страны, наоборот, могли иметь и имели в системе своего регулирования большую роль прямой связи, чем она была свойственна нам. Чтобы не отвлекаться далеко от темы, приведу в подтверждение этого тезиса лишь одно высказывание заокеанского авторитета, сегодня часто забываемого: «Не социалисты враги рынка, а передовая техника, а также диктуемые ею специализация рабочей силы и производственного процесса и, соответственно, продолжительность производственного периода и потребности в капитале. В силу этих обстоятельств рыночный механизм начинает отказывать как раз тогда, когда возникает необходимость исключительно высокой надежности, когда существенно необходимым становится планирование» [Гэлбрейт, 1969, с. 71].

Жесткое государственное управление экономикой и планирование народного хозяйства – вот основные параметры советской экономической системы. Это была мобилизационная экономика, но иначе в условиях жесткого противостояния двух мировых систем и особенно мировой войны невозможно было сохранить страну и победить врага. При этом плановая система и централизованное управление были основным условием успешного развития науки и военной техники. Можно утверждать, что важнейшим звеном плановой системы и индустриализации в СССР было становление и развитие современной науки, во главе которой стояла Академия наук СССР. Это резко контрастирует с нынешним положением в стране, когда Академию наук низвели до уровня мелкого подразделения одного из министерств. Сегодня в стране господствуют рыночные начала при полном отсутствии планирования. Поэтому переход к ноономике будет долгим и сложным.

Таким образом, на протяжении всего XX века для российской экономики было характерно в той или иной мере сочетание рыночных начал и планового регулирования. Это доказал опыт становления советской экономики, когда в 1920-е годы СССР продемонстрировал высокие темпы экономического развития. Однако в 1970–1980-е годы рыночные начала в стране не развивались и темпы развития снизились. В 1990-е годы плановые начала были административно ликвидированы и развитие экономики вообще прекратилось. Итак, проблема состоит в нахождении оптимального сочетания плана и рынка для разных периодов развития страны.

Основное достижение советского периода состоит в том, что Россия из второразрядной страны превратилась во вторую сверхдержаву в мире. Была создана современная индустрия, люди в целом жили вполне благополучно, была доступная медицина, бесплатное образование, постепенно решалась жилищная проблема, был расцвет советской культуры, успешно развивалась наука. СССР был вполне респектабельным и конкурентоспособным

социальным государством. Конечно, жесткое государственное управление экономикой и планирование народного хозяйства потеснили рыночное саморегулирование. Это была во многом мобилизационная экономика, но это было оправданно для некоторых периодов развития. Иначе страна не смогла бы сохраниться как целое и победить в ВОВ. При этом плановая система и централизованное управление были основным условием успешного развития науки и военной техники.

Говоря еще о плановой системе, нельзя не коснуться очень модной сегодня темы – цифровизации экономики. Многие, говоря о цифровизации, имеют в виду техническое оснащение экономики и экономического управления. Но если говорить более конкретно об этом процессе, то нужно будет признать, что цифровая экономика – это не что иное, как плановая экономика. Об этом много писали российские экономисты еще в 1920-х годах, когда формировалась система планирования народного хозяйства. Так, Г.М. Кржижановский, будучи председателем Госплана, писал, что «зарождается идея контрольных цифр Госплана. Летом 1925 г. Госплан впервые делает попытку построения годового хозяйственного перспективного плана. “Комиссия по контрольным цифрам” становится одной из основных организаций Госплана» [Кржижановский, 1957, с. 425].

О цифровой экономике в действительном ее понимании писали и другие отечественные экономисты. Например, В.А. Базаров, будучи ответственным работником Госплана СССР и составляя «контрольные цифры» на 1925/26 год, писал в 1925 году: «Система контрольных цифр и органически связанная с нею система экономических мероприятий являются планом народного хозяйства» [Базаров, 2014, с. 329]. Можно привести мнение и Нобелевского лауреата по экономике В. Леонтьева о балансе народного хозяйства: «Принципиально новым в этом балансе при сравнении его с обычными хозяйственно-статистическими обследованиями, как, например, с американским и английским цензом, является попытка охватить цифрами не только производство, но и распределение общественного продукта» [Леонтьев, 1990, с. 242].

Таким образом, цифровая экономика, по мнению отечественных экономистов 1920-х годов, – это народнохозяйственное планирование. А планирование – важнейший институт ноономики. Так что переход к системе государственного планирования будет первым шагом к освоению ноономики.

Список источников

- Анисимова Г. (2022). Государственный патернализм: социально-экономическое неравенство и динамика инвестиций // Общество и экономика. № 11. С. 30-39.
- Базаров В.А. (2014). Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 512 с.
- Бодрунов С.Д. (2013). Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО. М., СПб. 171 с.
- Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция. 352 с.
- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д. (2021). Что такое ноономика? // А(О)нтология ноономики. Четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР. С. 19-92.

- Валлерстайн И. (2003). После либерализма. М.: Едиториал УРСС. 256 с.
- Гайдар Е. (1995). Государство и эволюция. М.: «Евразия». 207 с.
- Гэлбрейт Дж. (1969). Новое индустриальное общество. М.: Прогресс. 480 с.
- Гэмбл Э. (2018). Кризис без конца? Крах западного процветания. М.: Изд. дом ВШЭ. 356 с.
- Кржижановский Г.М. (1957). Избранное. М.: Госполитиздат. 568 с.
- Кронрод Я.А. (1966). Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. М.: Мысль, 1966. 581 с.
- Леонтьев В. (1990). Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990. 438 с.
- Маркс К. (1968). Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К. и Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. М.: Госполитиздат. 559 с.
- Мизес Л. (2000). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика. 878 с.
- Плеханов Г.В. (1956). Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 847 с.
- Поланьи К. (2002). Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: «Алатейя». 320 с.
- Туган-Барановский М.И. (1996). К лучшему будущему. М.: РОССПЭН. 528 с.
- Туган-Барановский М.И. (2003). Теоретические основы марксизма. М.: Едиториал УРСС. 224 с.
- Уилэн Ч. (2005). Голая экономика. Разоблачение унылой науки. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес». 339 с.
- Хайек Ф.А. (2011). Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум. 275 с.
- Хиггс Р. (2016). Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. М.; Челябинск: ИРИСЭН: Социум. 500 с.
- Худокормов А.Г. (2012). Развитие мировой экономической теории через ее периодические кризисы. М.: ИЭ РАН. 38 с.

References

- Anisimova G. (2022). State Paternalism: Socio-Economic Inequality and Investment Dynamics. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy]. No. 11. Pp. 30-39. (In Russ.).
- Bazarov V.A. (2014). *Selected Works*. Vol. 2. Moscow: Delo Publishing House of RANEPА. 512 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2013). *Concept of the New Industrial Development of Russia in Terms of the WTO*. Moscow; St. Petersburg. 171 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2016). *The Future. The New Industrial State: Reset*. Moscow: Kul'turnaya revoliutsiya Publ. 352 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy*. М.: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2021). What is Noonomy? *A(O)ntologiya noonomiki: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya i ee ekonomicheskie, social'nye i gumanitarnye posledstviya* [A(O)ontology of Noonomy. Fourth Technological Revolution and its economic, social and humanitarian consequences]. St. Petersburg: INID Publ. Pp. 19-92. (In Russ.).
- Wallerstein I. (2003). *After Liberalism*. М.: Editorial URSS Publ. 256 p. (In Russ.).
- Gaidar E. (1995). *State and Evolution*. М.: Eurasia Publ. 207 p. (In Russ.).

- Galbraith J. (1969). *The New Industrial State*. Moscow: Progress Publ. 480 p. (In Russ.).
- Gamble A. (2018) *Crisis Without End? The Unravelling of Western Prosperity*. Moscow: HSE Publishing House. 356 p. (In Russ.).
- Krzhizhanovsky G.M. (1957). *Selected Works*. Moscow: Gospolitizdat Publ. 568 p. (In Russ.).
- Kronrod, J.A. (1966). *The Laws of Political Economy of Socialism. Essays on Methodology and Theory*. Moscow: Mysl' Publ. 581 p. (In Russ.).
- Leontiev V. (1990). *Economic Essays. Research Theories, Facts and Politics*. Moscow: Politizdat Publ. 438 p. (In Russ.).
- Marx K. (1968). Economic Manuscripts of 1857-1859. *Sochineniya* [Essays]. by K. Marx, F. Engels. 2nd ed. Vol. 46, Part 1. Moscow: Gospolitizdat Publ. 559 p. (In Russ.).
- Mises L. (2000). *Human Action: A Treatise on Economics*. Moscow: Ekonomika Publ. 878 p. (In Russ.).
- Plekhanov G.V. (1956). *Selected Philosophical Works*. In 5 Volumes. Vol. 1. Moscow: Publishing House of Socio-Economic Literature. 847 p. (In Russ.).
- Polanyi K. (2002). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. St. Petersburg: Alateya Publ. 320 p. (In Russ.).
- Tugan-Baranovsky M.I. (1996). *Towards a Better Future*. Moscow: ROSSPEN Publ. 528 p. (In Russ.).
- Tugan-Baranovsky M.I. (2003). *Theoretical Foundations of Marxism*. Moscow: Editorial URSS Publ. 224 p. (In Russ.).
- Wheelan C. (2005). *Naked Economics: Undressing the Dismal Science*. Moscow: ZAO Olimp-Biznes Publ. 368 p. (In Russ.).
- Hayek F.A. (2011). *Individualism and Economic Order*. Chelyabinsk: Sotsium Publ. 275 p. (In Russ.).
- Higgs R. (2016). *Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government*. Chelyabinsk: IRISEN Publ., Sotsium Publ. 500 p. (In Russ.).
- Khudokormov A.G. (2012). *World Economic Theory Development Through Its Periodic Crises*. Moscow: Institute of Economics of the RAS. 38 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Воейков Михаил Илларионович

Заведующий сектором политической экономики Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: mvok1943@mail.ru

Information about the author

Mikhail I. Voeykov

Dr. of Sc. (Econ.), Professor, Head Sector of Political Economy, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Nakhimovskiy Ave 32, Moscow, Russia)

E-mail: mvok1943@mail.ru